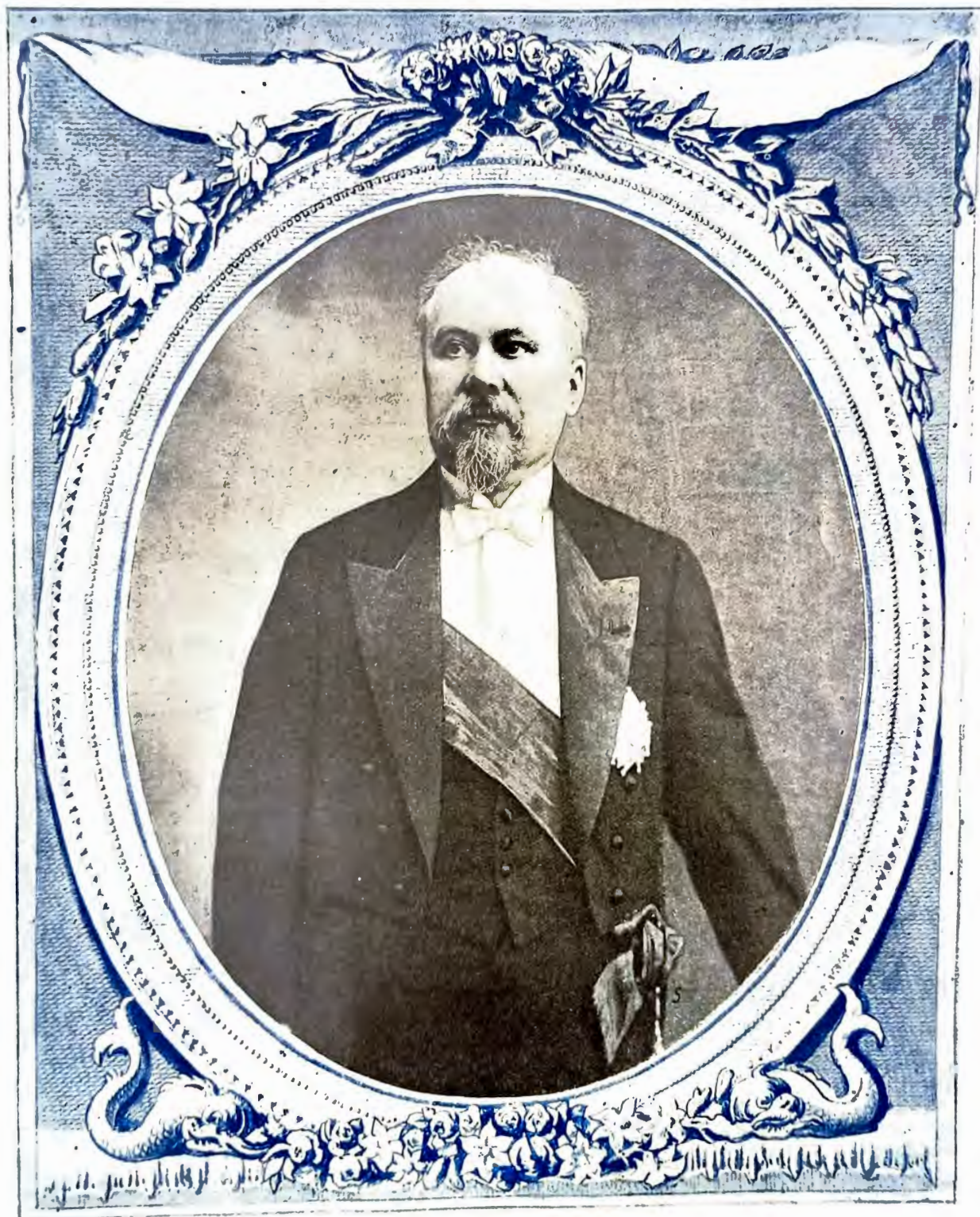

ЖЕМЧУЖИНА

Президентъ Французской Республики
Раймондъ Пуанкаре

№ 3.

Цѣна 5 коп., на станціяхъ жел. дор. 7 коп.

1914 г.

Современники о Чеховѣ.

А. И. КУПРИНЪ.

Мы почти ничего не знаемъ не только о тайнахъ Чехова творчества, но даже и о вѣщахъ, привычныхъ пріемахъ его работы. Въ этомъ отношеніи А. П. былъ до страннаго скрытенъ и молчаливъ. Помню, какъ-то мимоходомъ онъ сказалъ очень значительную фразу:

— Только спаси васъ Богъ читать кому-

Флигель въ Бабкинѣ, въ которомъ жилъ, будучи врачомъ, А. П. Чеховъ.

Монастырь Новый Іерусалимъ (близъ города Воскресенска), гдѣ писатель жилъ послѣ окончанія университета.

А. П. Чеховъ (X) съ друзьями, (по окончаніи курса въ университетѣ).

нибудь свои произведёнія, пока они не напечатаны. Даже въ корректурѣ не читайте.

Такъ онъ и самъ поступалъ постоянно, хотя иногда дѣлалъ исключенія для жены и сестры. Раньше, говорятъ, онъ былъ щедрѣе на этотъ счетъ.

Это было въ то время, когда онъ писалъ очень много и очень быстро. Онъ самъ говорилъ, что писалъ тогда по рассказу въ день. Объ этомъ же рассказывала и Е. Я. Чехова. «Бывало, еще студентомъ, Антоша сидитъ утромъ за чаемъ и вдругъ задумается, смотритъ иногда прямо въ глаза, а я знаю, что онъ ужъ ничего не видитъ. Потомъ достанетъ изъ кармана книжку и пишетъ быстро-быстро. И опять задумается»...

Но въ послѣдніе годы Чеховъ сталъ относиться къ себѣ все строже и все требовательнѣе: держалъ рассказы по нѣскольку лѣтъ, не переставая ихъ исправлять и переписывать, и все-таки, несмотря на такую кропотливую работу, послѣднія корректуры, возвращавшіяся отъ него, бывали кругомъ испещрены знаками, помѣтками и вставками. Для того, чтобы окончить произведеніе, онъ долженъ былъ писать его не отрываясь. «Если я надолго оставлю рассказъ,—говорилъ онъ какъ-то:—то уже не могу потомъ приняться за его окончаніе. Мнѣ надо тогда начинать снова.

Гдѣ онъ черпалъ свои образы? Гдѣ находилъ свои наблюденія и сравненія? Гдѣ онъ выковывалъ свой великолѣпный, единственный въ русской литературѣ языкъ? Онъ никому не повѣрялъ и не обнаруживалъ своихъ творческихъ путей. Говорятъ, послѣ него осталось много записныхъ книжекъ; можетъ быть, въ нихъ со временемъ найдутся ключи къ этимъ сокровеннымъ тайнамъ? А можетъ быть, онѣ и навсегда останутся неразгаданными? Кто знаетъ? Во всякомъ случаѣ мы должны довольствоваться въ этомъ направленіи только остроумными намеками и предположеніями.

Я думаю, что всегда, съ утра до вечера, а можетъ быть, даже и ночью, во снѣ и безсонницѣ, совершалась въ немъ незримая, но упорная, порою даже бессознательная работа,— работа взвѣшиванія, опредѣленія и запоминанія. Онъ умѣлъ слушать и разспрашивать, какъ никто, но часто, среди живого разговора можно было замѣтить, какъ его внимательный и доброжелательный взглядъ вдругъ дѣлался неподвижнымъ и глубокимъ, точно уходилъ куда-то внутрь, созерцая нѣчто таинственное и важное, совершавшееся въ его душѣ. Тогда-то А. П. и дѣлалъ свои странные, поражающіе неожиданностью, совсѣмъ не идущіе къ разговору вопросы, которые такъ смущали многихъ. Только что говорили и еще продолжаютъ говорить о неомарксистахъ, а онъ вдругъ спрашиваетъ: «Послушайте, вы никогда не были на конскомъ заводѣ? Непременно поѣзжайте.

Это интересно». Или вторично предлагать попрось, на который только что получилъ отвѣтъ.

Внѣшней, механической памятью Чеховъ не отличался. Я говорю про ту мелочную память, которую такъ часто обладаютъ въ сильной степени женщины и крестьяне, и которая состоитъ въ запоминаніи того, что кто какъ былъ одѣтъ, носить ли бороду и усы, какая была цѣпочка отъ часовъ и какіе сапоги, какого цвѣта волосы. Просто эти детали были для него неважны и неинтересны. Но зато онъ сразу бралъ всего человѣка, опредѣлялъ быстро и вѣрно, точно опытный химикъ, его удѣльный вѣсъ, качество и порядокъ и уже зналъ, какъ очертить его главную, внутреннюю суть двумя тремя штрихами.